А. Твардовский

Тёркин на том свете

СП

А. ТВАРДОВСКИЙ

НА ТОМ СВЕТЕ

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
МОСКВА · 1964

Тридцати неполных лет —
Любо ли не любо —
Прибыл Теркин на тот свет,
А на этом убыл.

Убыл-прибыл в поздний час
Ночи новогодней.
Осмотрелся в первый раз
Теркин в преисподней...

Так пойдет — строка в строку —
Вразворот картина.
Но читатель начеку:
— Что за чертовщина!

— В век космических ракет,
Мировых открытий —
Странный, знаете, сюжет.
— Да, не говорите...

— Ни в какие ворота.
— Тут не без расчета...
— Подоплека не проста.
— То-то и оно-то...

И держись: наставник строг —
Проницает с первых строк...

Ах, мой друг, читатель-дока,
Окажи такую честь:
Накажи меня жестоко,
Но изволь сперва прочесть.

Не спеши с догадкой плоской
Точно критик-грамотей
Всюду слышать отголоски
Недозволенных идей.

И с его лихой ухваткой
Подводить издалека —
От ущерба и упадка
Прямо к мельнице врага.

И вздувать такие страсти
Из запаса бабьих снов,
Что грозят Советской власти
Потрясением основ.

Не ищи везде подвоха,
Не пугай из-за куста.
Отвыкай. Не та эпоха —
Хочешь, нет ли, а не та!

И доверься мне по старой
Доброй дружбе грозных лет:

Я зазря тебе не стану
Байки баять про тот свет.

Суть не в том, что рай ли с адом,
Черт ли, дьявол — все равно:
Пушки к бою едут задом,—
Это сказано давно...

Вот и все, чем автор вкратце
Упреждает свой рассказ,
Необычный, может статься,
Странный, может быть, подчас.

Но — вперед. Перо запело.
Что к чему — покажет дело.

Повторим: в расцвете лет,
В самой доброй силе
Ненароком на тот свет
Прибыл наш Василий.

Поглядит — светло, тепло,
Ходы-переходы —

Вроде станции метро,
Чуть пониже своды.

Перекрытье — не чета
Двум иль трем накатам.
Вот где бомба ни черта
Не проймет — куда там!

(Бомба! Глядя в потолок
И о ней смекая,
Теркин знать еще не мог,
Что — смотря какая.

Что от нынешней — случись
По научной смете —
Так, пожалуй, не спастись
Даже на том свете.)

И еще — что явь, что сон —
Теркин не уверен,
Видит, валенками он
Наследил у двери.

А порядок, чистота —
Не приткнуть окурок.
Оробел солдат спроста
И вздохнул:
— Культура...

Вот такие бы везде
Зимние квартиры.
Поглядим — какие где
Тут ориентиры:

Стрелка «Вход». А «Выход»? Нет.
Ясно и понятно:
Значит, пламенный привет,—
Путь закрыт обратный.

Значит, так тому и быть,
Хоть и без привычки.
Вот бы только нам попить
Где-нибудь водички.

От неведомой жары
В горле зачерствело.
Да потерпим до поры,
Не в новинку дело.

Видит парень, как туда,
К станции конечной,
Прибывают поезда
Изо мглы предвечной.

И выходит к поездам,
Важный и спокойный,
Того света комендант —
Генерал-покойник.

Не один — по сторонам
Начеку охрана.
Для чего — судить не нам,
Хоть оно и странно:
Раз уж списан ты сюда,
Кто б ты ни был чином,

Впредь до страшного суда
Трусить нет причины.

По уставу, сделав шаг,
Теркин доложился:
Мол, такой-то, так и так,
На тот свет явился.

Генерал, угрюм на вид,
Голосом усталым:
— А с которым,— говорит,—
Прибыл ты составом?

Теркин — в струнку, как стоял,
Тем же самым родом:
— Я, товарищ генерал,
Лично пешим ходом.

— Как так пешим?
— Виноват.
(Строги коменданты!)

— Говори, отстал, солдат,
От своей команды?

Так ли, нет ли — все равно
Спорить не годится.
— Ясно! Будет учтено.
И не повторится.

Да уж тут что нет, то нет,
Это, брат, бесспорно,
Потому как на тот свет
Не придешь повторно.

Усмехнулся генерал:
— Ладно. Оформляйся.
Есть порядок — чтоб ты знал —
Тоже, брат, хозяйство.
Всех прими да всех устрой —
По заслугам место.
Кто же трус, а кто герой —
Не всегда известно.

Дисциплина быть должна
Четкая до точки:
Не такая, брат, война,
Чтоб поодиночке...
Проходи давай вперед —
Прямо по платформе.

— Есть идти! —
                    И поворот
Теркин дал по форме.

И едва за стрелкой он
Повернул направо —
Меж приземистых колонн —
Первая застава.

Тотчас все на карандаш:
Имя, номер, дату.
— Аттестат в каптерку сдашь,—
Говорят солдату.

Удивлен весьма солдат:
— Ведь само собою —
Не положен аттестат
Нам на поле боя.
Раз уж я отдал концы —
Не моя забота.

— Все мы, братец, мертвецы,
А порядок — вот он.
Для того ведем дела
Строго — номер в номер,—
Чтобы ясность тут была,
Правильно ли помер.
Ведь случалось иногда —
Рана несмертельна,
А его зашлют сюда,
С ним возись отдельно.
Помещай его сперва
В залу ожиданья...
(Теркин мельком те слова
Принял во вниманье).

— Ты, понятно, новичок,
Вот тебе и дико.
А без формы на учет
Встань у нас, поди-ка.

Но смекнул уже солдат:
Нет беды великой.
То ли, се ли, а назад
Вороти, поди-ка.

Осмелел, воды спросил:
Нет ли из-под крана?
На него, глаза скосив,
Посмотрели странно.

Да вдобавок говорят,
Усмехаясь криво:
— Ты еще спросил бы, брат,
На том свете пива...

И довольны все кругом
Шуткой той злорадной.

Повернул солдат кру-гом:
— Будьте вы неладны...

Позади Учетный стол,
Дальше — влево стрелки.
Повернул налево — стоп,
Смотрит:
Стол проверки.

И над тем уже Столом —
Своды много ниже,
Свету меньше, а кругом —
Полки, сейфы, ниши;
Да шкафы, да вертлюги
Сзади, как в аптеке,
Книг толстенных корешки,
Папки, картотеки.
И решеткой обнесен
Этот Стол кромешный
И кромешный телефон
(Внутренний, конечно).

И доносится в тиши
Точно вздох загробный:
— Авто-био опиши
Кратко и подробно...

Поначалу на рожон
Теркин лезть намерен:
Мол, в печати отражен,
Стало быть, проверен.

— Знаем: «Книга про бойца».
— Ну так в чем же дело?
— «Без начала, без конца»—
Не годится в «Дело».
— Но поскольку я мертвец...
— Это толку мало.
— ...то не ясен ли конец?
— Освети начало.

Уклоняется солдат:
— Вот еще обуза:

Там же в рифму все подряд,
Автор — член союза...

— Это — мало ли чего,
Той ли меркой мерим.
Погоди, и самого
Автора проверим...

Видит Теркин, что уж тут
И беда, пожалуй:
Не напишешь, так пришьют
От себя начало.

Нет уж, лучше, если сам.
И у спецконторки
Примостившись, написал
Авто-био Теркин.

По графам: вопрос — ответ
Начал с предков — кто был дед.

— Дед мой сеял рожь, пшеницу,
Обрабатывал надел.
Он не ездил за границу,
Связей также не имел.
Пить — пивал. Порой без шапки
Приходил, в ночи шумел.
Но, помимо как от бабки,
Он взысканий не имел.
Не представлен был к награде,
Не был дед передовой.
И отмечу правды ради —
Не работал над собой.
Уклонялся. И постольку
Близ восьмидесяти лет
Он не рос уже нисколько,
Укорачивался дед...

Так и далее — родных
Отразил и близких,
Всех, что числились в живых
И посмертных списках.

Стол проверки бросил взгляд
На его работу:
— Расписался? То-то, брат.
Следующий — кто там?

Впрочем, стой. — Перелистал.
Нет ли где помарок.
— Фотокарточки представь
В должных экземплярах.

Докажи тому Столу:
Что ж, как не запасся,
Как за всю войну в тылу
Не был ты ни часа.

— До поры была со мной
Карточка из дома —
Уступить пришлось одной,
Скажем так, знакомой...

Но суров закон Стола,
Голос тот усопший:
— Это личные дела,
А порядок общий.

И такого никогда
Не знавал при жизни —
Слышит:
— Палец дай сюда,
Обмакни да тисни.

Передернуло всего,
Но махнул рукою.
— Палец? Нате вам его.
Что еще другое?..

Вышел Теркин на простор
Из-за той решетки.
Шаг, другой — и вот он Стол
Медсанобработки.

Подошел — не миновать
Предрешенной встречи.
И конечно же опять
Не был обеспечен.

Не подумал, сгоряча
Протянувши ноги,
Что без подписи врача
В вечность нет дороги;
Что и там они, врачи,
Всюду наготове
Относительно мочи
И солдатской крови.

Ахнул Теркин:
— Что за черт,
Что за постановка:
Ну как будто на курорт
Мне нужна путевка.
Столько всяческой возни
В их научном мире.

Вдруг велят:
— А ну, дыхни,
Рот разинь пошире.
Принимал?
— Наоборот.—
И со вздохом горьким:
— Непонятный вы народ,—
Усмехнулся Теркин.

— Кабы мне глоток-другой
При моем раненье,
Я бы, может, ни ногой
В ваше заведенье...

Но солдат — везде солдат:
То ли, се ли — виноват.
Виноват, что в этой фляге
Не нашлось ни капли влаги, —
Старшина был скуповат,
Не уважил — виноват.

Виноват, что холод жуткий
Жег тебя вторые сутки,
Что вблизи упал снаряд,
Разорвался — виноват.
Виноват, что на том свете
За живых мертвец в ответе.

Но молчи, поскольку — тлен,
И терпи волынку.
Пропустили сквозь рентген
Всю его начинку.

Не забыли ничего
И науки ради
Исписали на него
Толстых три тетради.

Молоточком — тук да тук,
Хоть оно не больно,
Обстучали все вокруг —
Чем-то недовольны.

Рассуждают — не таков
Запах. Вот забота:
Пахнет парень табаком
И солдатским потом.

Мол, покойник со свежа
Входит в норму еле,
Словно там еще душа
Притаилась в теле.

Но и полных данных нет,
Снимок, что ль, нечеткий.
— Приготовься на предмет
Общей обработки.

Баня? С радостью туда,
Баня — это значит
Перво-наперво — вода.
— Нет воды горячей.
— Ясно! Тот и этот свет
В данном пункте сходны.

И холодной тоже нет?
— Нету. Душ безводный.

— Вот уж это никуда,—
Возмутился Теркин.
— Здесь лишь мертвая вода.
— Ну, давайте мертвой.

— Это — если б сверху к нам,—
Поясняет некто,—
Ты явился по частям,
То есть некомплектно.
Мы бы той тебя водой
Малость покропили,
Все детали меж собой
В точности скрепили.
И готов — хоть на парад —
Ты во всей натуре...
Приступай давай, солдат,
К общей процедуре.

Снявши голову, кудрей
Не жалеть, известно.
— Ах, валяйте, да скорей,
Мне бы хоть до места...

Раз уж так пошли дела,
Не по доброй воле,
Теркин ищет хоть угла
В мрачной той юдоли.

С недосыпу на земле,
Хоть как есть, в одеже,
Отоспаться бы в тепле —
Ведь покой положен.

Вечный, сказано, покой —
Те слова не шутки.
Ну, а нам бы хоть какой,
Нам бы хоть на сутки.

Впереди уходят вдаль,
В вечность коридоры —

Того света магистраль,—
Кверху семафоры.

И видны за полверсты,
Чтоб тебе не сбиться,
Указателей персты,
Надписи, таблицы...

Строгий свет от фонарей,
Сухость в атмосфере.
А дверей — не счесть дверей,
И какие двери!

Все плотны, заглушены
Способом особым,
Выступают из стены
Вертикальным гробом.

И какую ни открой —
Ударяет сильный,
Вместе пыльный и сырой,
Запах замогильный.

И у тех, что там сидят,
С виду как бы люди,
Означает важный взгляд:
«Нету. И не будет».

Теркин мыслит: как же быть,
Где искать начало?
«Не мешай руководить» —
Надпись подсказала.

Что тут делать? Наконец
Набрался отваги —
Шасть к прилавку, где мертвец
Подшивал бумаги.

Мол, приписан к вам в запас
Вечный — и поскольку
Нахожусь теперь у вас,
Мне бы, значит, койку...

Взглядом сонным и чужим
Тот солдата смерил,

Пальцем — за́ ухо — большим
Указал на двери
В глубине.
                    Солдат — туда,
Потянул за ручку.
Слышит сзади:
— Ах, беда
С этою текучкой...

Там за дверью первый стол,—
Без задержки следуй —
Тем же, за́ ухо, перстом
Переслал к соседу.

И вели за шагом шаг
Эти знаки всуе,
Без отрыва от бумаг
Дальше указуя.

Но в конце концов ответ
Был членораздельный:

— Коек нет. Постели нет.
Есть приклад постельный.

— Что приклад? На кой он ляд?
Как же в этом разе?
— Вам же ясно говорят:
Коек нет на базе.
Вам же русским языком...
Простыни в просушке.
Можем выдать целиком
Стружки.
                Для подушки.

Соответственны слова
Древней волоките:
Мол, не сразу и Москва,
Что же вы хотите?

Распишитесь тут и там,
Пропуск ваш отмечен.
Остальное — по частям.
— Тьфу ты! — плюнуть нечем.

Смех и грех: навек почить,
Так и то на деле
Было б легче получить
Площадь в жилотделе.

Да притом, когда б живой
Слышал речь такую,
Я б ему с его «Москвой»
Показал другую.

Я б его за те слова
Спосылал на базу.
Сразу, нет ли та «Москва»,
Он бы понял сразу!

Я б ему еще вкатил
По гвардейской норме,
Что такое фронт и тыл —
Разъяснил бы в корне...

И уже хотел уйти,
Вспомнил, что, пожалуй,

Не мешало б занести
Вывод в книгу жалоб.

Но отчетлив был ответ
На вопрос крамольный:
— На том свете жалоб нет,
Все у нас довольны.

Книги незачем держать.—
Ясность ледяная.
— Так, допустим. А печать —
Ну хотя б стенная?

— Как же, есть. Пройти пустяк
За угол направо.
Без печати — как же так.
Только это зря вы...

Ладно. Смотрит — за углом —
Орган того света.
Над редакторским столом —
Надпись: «Гробгазета».

За столом — не сам, так зам, —
Нам не все равно ли,—
— Я вас слушаю,— сказал,
Морщась, как от боли.

Полон доблестных забот,
Перебил солдата:
— Не пойдет. Разрез не тот.
В мелком плане взято.

Авторучкой повертел.
— Да и места нету.
Впрочем, разве что в Отдел
Писем без ответа...

И в бессонный поиск свой
Вникнул снова с головой.

Весь в поту, статейки правит,
Водит носом взад-вперед:
То убавит, то прибавит,

То свое словечко вставит,
То чужое зачеркнет.
То его отметит птичкой,
Сам себе и Глав и Лит,
То возьмет его в кавычки,
То опять же оголит.

Знать, в живых сидел в газете,
Дорожил большим постом.
Как привык на этом свете,
Так и мучится на том.

Вот притих, уставясь тупо,
Рот разинут, взгляд потух.
Вдруг навел на строчки лупу,
Избоченясь, как петух.

И последнюю проверку
Применяя, тот же лист
Он читает снизу кверху,
А не только сверху вниз.

Верен памятной науке,
В скорбной думе морщит лоб...

Попадись такому в руки
Эта сказка — тут и гроб!

Он отечески согретым
Увещаньем изведет.
Прах от праха того света,
Скажет: что еще за т о т?

Что за происк иль попытка
Воскресить вчерашний день,
Неизжиток пережитка
Или тень на наш плетень?

Впрочем, скажет, и не диво,
Что избрал ты зыбкий путь.
Потому — от коллектива
Оторвался — вот в чем суть.

Задурил, кичась талантом, —
Да всему же есть предел, —
Новым, видите ли, Дантом
Объявиться захотел.

Как же было не в догадку —
Просто вызвать на бюро
Да призвать тебя к порядку,
Чтобы выправил перо.

Чтобы попусту бумагу
На авось не тратил впредь:
Не писал бы этак с маху —
Дал бы планчик просмотреть.

И без лишних притязаний
Приступал тогда к труду,
Да последних указаний
Дух всегда имел в виду.

Дух тот брал бы за основу
И не ведал бы прорух...

Тут, конечно, автор снова
Возразил бы:
— Дух-то дух.
Мол, и я не против духа,
В духе смолоду учен.
И по части духа —
Слуха,
Да и нюха —
Не лишен.

Но притом вопрос не праздный
Возникает сам собой:
Ведь и дух бывает разный —
То ли мертвый, то ль живой.

За свои слова в ответе
Я недаром на посту:
Мертвый дух на этом свете
Различаю за версту.

И не той ли метой мечен
Мертвых слов твоих набор.

Что ж с тобой вести мне речи —
Есть с живыми разговор!

Проходите без опаски
За порог открытой сказки
Вслед за Теркиным моим —
Что там дальше — поглядим.

Помещенья вроде ГУМа —
Ходишь, бродишь, как дурной.
Только нет людского шума —
Всюду вечный выходной.

Сбился с ног, в костях ломота,
Где-нибудь пристать охота.

Галереи — красота,
Помещений бездна,
Кабинетов до черта,
А солдат без места.

Знать не знает, где привал
Маеты бессонной,

Как тот воин, что отстал
От своей колонны.

Догони — и с плеч гора,
Море по колено.
Да не те все номера,
Знаки и эмблемы.

Неизвестных столько лиц,
Все свои, все дома.
А солдату — попадись
Хоть бы кто знакомый.

Всем по службе недосуг,
Смотрят, не вникая...
И не ждал, не думал — вдруг
Встреча. Да какая!

В двух шагах перед тобой
Друг-товарищ фронтовой.

Тот, кого уже и встретить
Ты не мог бы в жизни сей.

Но и там — и на том свете —
Тоже худо без друзей...

Повстречал солдат солдата,
Друга памятных дорог,
С кем от Бреста брел когда-то,
Пробираясь на восток.

С кем расстался он, как с другом
Расстается друг-солдат,
Второпях — за недосугом
Совершить над ним обряд.

Не посетуй, что причалишь
К месту сам, а мне — вперед.
Не прогневайся, товарищ.
И не гневается тот.

Только, может, в миг прощальный,
Про себя, живой солдат
Тот безропотно-печальный
И уже нездешний, дальний,

Протяженный в вечность взгляд
Навсегда в душе отметит,
Хоть уже дороги врозь...

— Друг-товарищ, на том свете —
Вот где встретиться пришлось.

Вот он — в блеклой гимнастерке
Без погон —
Из тех времен.
«Значит, все, — подумал Теркин, —
Я — где он.
И все — не сон».

— Так-то, брат. — Слова излишни.
Поздоровались. Стоят.
Видит Теркин: друг давнишний
Встрече как бы и не рад.

По какой такой причине —
На том свете ли обвык

Или, может, старше в чине
Он теперь, чем был в живых?

— Так-то, Теркин.
— Так, примерно:
Не понять — где фронт, где тыл.
В окруженье — в сорок первом —
Хоть какой, но выход был.

Был хоть суткам счет надежный,
Был хоть запад и восток,
Хоть в пути паек подножный,
Хоть воды, воды глоток!

Отоспись в чащобе за день,
Ночью двигайся. А тут?
Дай хоть где-нибудь присядем —
Ноги в валенках поют...

Повернули с тротуара
В глубь задворков за углом,

Где гробы порожней тарой
Были свалены на слом.

Размещайся хоть на дневку,
А не то что на привал.
— Доложи-ка обстановку,
Как сказал бы генерал.

Где тут линия позиций,—
Жаль, что карты нет со мной.
Ну, хотя б — в каких границах
Расположен мир иной?..

— Генерал ты больно скорый,
Уточнился бы сперва:
Мир иной — смотря который,—
Как-никак их тоже два.

И от ног своих разутых,
От портянок отвлечен,
Теркин — тихо:

— Нет, без шуток?..—
Тот едва пожал плечом.

— Ты-то мог не знать — заглазно;
Есть тот свет, где мы с тобой,
И, конечно, буржуазный
Тоже есть, само собой.

Всяк свои имеет стены
При совместном потолке.
Два тех света, две системы,
И граница на замке.

Тут и там свои уставы
И, как водится оно, —
Все иное — быт и нравы...
— Да не все ли здесь равно?

— Нет, брат, — все тому подобно,
Как и в жизни — тут и там.

— Но позволь: в тиши загробной
Тоже — труд, и капитал,
И борьба, и все такое?..

— Нет, зачем. Какой же труд,
Если вечного покоя
Обстановка там и тут.

— Значит, как бы в обороне
Загорают — тут и там?
— Да. И, ясно, прежней роли
Не играет капитал.

Никакой ему лазейки,
Вечность вечностью течет.
Денег нету ни копейки,
Капиталу только счет.

Ну, а в части распорядка —
Наш подъем — для них отбой,

И поверка и зарядка
В разный срок, само собой.

Вот и все тебе известно,
Что у нас и что у них.

— Очень, очень интересно...—
Теркин в горести поник.

— Кто в иную пору прибыл,
Тот как хочешь, а по мне —
Был бы только этот выбор —
Я б остался на войне.

На войне о чем хлопочешь?
Ждешь скорей ее конца.
Что там слава или почесть
Без победы для бойца.

Лучше нет — ее, победу,
Для живых в бою добыть.

И давай за ней по следу,
Как в жару к воде — попить.

Не о смертном думай часе —
В нем ли главный интерес:
Смерть — она всегда в запасе,
Жизнь — она всегда в обрез.

— Так ли, друг?
— Молчи, вояка,
Время жизни истекло.
— Нет, скажи: и так, и всяко,
Только нам не повезло.

Не по мне лежать здесь лежнем,
Да уж выписан билет.
Ладно, шут с ним, с зарубежным,
Говори про наш тот свет.

— Что ж, вопрос весьма обширен.
Вот что главное усвой:

Наш тот свет в загробном мире —
Лучший и передовой.

И поскольку уготован
Всем нам этак или так,
Он научно обоснован,
Не на трех стоит китах.

Где тут пекло, дым иль копоть
И тому подобный бред?
— Все же, знаешь, сильно топят, —
Вставил Теркин, — мочи нет.

— Да не топят, зря не сетуй,
Так сдается иногда,
Кто по-зимнему одетый
Транспортирован сюда.

Здесь ни холодно, ни жарко —
Ни полена дров, учти.
Точно так же — райских парков
Даже званья не найти.

С басней старой все несходно —
Где тут кущи и сады?
— А нельзя ль простой, природной
Где-нибудь глотнуть воды?

— Забываешь, Теркин, где ты,
Попадаешь в ложный след:
Потому воды и нету,
Что, понятно, спросу нет.

Недалек тот свет соседний,
Там, у них, на старый лад —
Все пустые эти бредни:
Свежесть струй и адский чад.

И запомни, повторяю:
Наш тот свет в натуре дан:
Тут ни ада нет, ни рая,
Тут — наука, там — дурман...

Там у них устои шатки,
Здесь фундамент нерушим.

Есть, конечно, недостатки, —
Но зато тебе — режим.

Там, во-первых, дисциплина
Против нашенской слаба.
И, пожалуйста, картина:
Тут — колонна, там — толпа.

Наш тот свет организован
С полной четкостью во всем:
Распланирован по зонам,
По отделам разнесен.

Упорядочен отменно —
Из конца́ пройди в конец.
Посмотри: Отдел военный,
Он, понятно, образец.

Врать привычки не имею,
Ну а ежели соврал,
Так на местности виднее, —
Поднимайся, генерал...

И в своем строю лежачем
Им предстал сплошной грядой
Тот Отдел, что обозначен
Был армейскою звездой.

Лица воинов спокойны,
Точно видят в вечном сне,
Что, какие были войны,
Все вместились в их войне.

Отгремел их край передний,
Мнится им в безгласной мгле,
Что была она последней,
Эта битва на земле;

Что иные поколенья
Всех пребудущих годов
Не пойдут на пополненье
Скорбной славы их рядов...

— Четкость линий и дистанций,
Интервалов чистота...

А возьми Отдел гражданский —
Нет уж, выправка не та.

Разнобой не скрыть известный —
Тот иль этот пост и вес:
Кто с каким сюда оркестром
Был направлен или без...
Кто с профкомовской путевкой,
Кто при свечке и кресте.
Строевая подготовка
Не на той уж высоте...

Теркин будто бы рассеян, —
Он еще и до войны
Дань свою отдал музеям
Под командой старшины.

Там соха иль самопрялка,
Шлемы, кости, древний кнут, —
Выходного было жалко,
Но иное дело тут.

Тут уж верно — случай редкий
Все увидеть самому.
Жаль, что данные разведки
Не доложишь никому.

Так, дивясь иль брови хмуря,
Любознательный солдат
Созерцал во всей натуре
Тот порядок и уклад.

Ни покоя, мыслит Теркин,
Ни веселья не дано.
Разобрались на четверки
И гоняют в домино.

Вот где самая отрада —
Уж за стол как сел, так сел,
Разговаривать не надо,
Думать незачем совсем.

Разгоняют скукой скуку —
Но таков уже тот свет:

Как ни бьют — не слышно стуку,
Как ни курят — дыму нет.

Ах, друзья мои и братья,
Кто в живых до сей поры,
Дорогих часов не тратьте
Для загробной той игры.

Ради жизни скоротечной
Отложите тот «забой»:
Для него нам отпуск вечный
Обеспечен сам собой...

Миновал костяшки эти,
Рядом — тоже не добро:
Заседает на том свете
Преисподнее бюро.

Здесь уж те сошлись, должно быть,
Что не в силах побороть
Заседаний вкус особый,
Им в живых изъевший плоть.

Им ни отдыха, ни хлеба, —
Как усядутся рядком,
Ни к чему земля и небо —
Дайте стены с потолком.

Им что вёдро, что ненастье,
Отмеряй за часом час.
Целиком под стать их страсти
Вечный времени запас.

Вот с величьем натуральным
Над бумагами склонясь,
Видно, делом персональным
Занялися — то-то сласть.

Тут ни шутки, ни улыбки —
Мнимой скорби общий тон.
Признает мертвец ошибки
И, конечно, врет при том.

Врет не просто скуки ради,
Ходит краем, зная край.

Как послушаешь — к награде
Прямо с ходу представляй.

Но позволь, позволь, голубчик,
Так уж дело повелось,
Дай копнуть тебя поглубже,
Просветить тебя насквозь.

Не мозги, так грыжу вправить.
Чтобы взмокнул от жары,
И в конце на вид поставить
По условиям игры...

Стой-постой! Видать персону.
Необычный индивид
Сам себе по телефону
На два голоса звонит.

Перед мнимой секретаршей
Тем усердней мечет лесть,
Что его начальник старший —
Это лично он и есть.

И упившись этим тоном,
Вдруг он, голос изменив,
Сам с собою — подчиненным —
Наставительно учтив.

Полон власти несравнимой,
Обращенной вниз, к нулю,
И от той игры любимой
Мякнет он, как во хмелю...

Отвернувшись от болвана
С гордой истовостью лиц,
Обсудить проект романа
Члены некие сошлись.

Этим членам все известно,
Что́ в романе быть должно
И чему какое место
Наперед отведено.

Изложив свои наметки,
Утверждают по томам.

Нет — чтоб сразу выпить водки,
Закусить — и по домам.

Дальше — в жесткой обороне
Очертил запретный круг
Кандидат потусторонних
Или доктор прахнаук.

В предуказанном порядке
Книжки в дело введены,
В них закладками цитатки
Для него застолблены.

Вперемежку их из книжек
На живую нитку нижет,
И с нее свисают вниз
Мертвых тысячи страниц...

За картиною картина,
Хлопцы дальше держат путь.
Что-то вслух бубнит мужчина,
Стоя в ящике по грудь.

В некий текст глаза упрятал,
Не поднимет от листа.
Надпись «Пламенный оратор» —
И мочалка изо рта.

Не любил и в жизни бренной
Мой герой таких речей.
Будь ты штатский иль военный,
Дай тому, кто побойчей.

Нет, такого нет порядка,
Речь он держит лично сам.
А случись, пройдет не гладко,
Так не он ее писал.

Все же там, в краю забвенья,
Свой особый есть резон:
Эти длительные чтенья
Укрепляют вечный сон...

Вечный сон. Закон природы.
Видя это все вокруг,

Своего экскурсовода
Теркин спрашивает вдруг:

— А какая здесь работа,
Чем он занят, наш тот свет?
То ли, се ли — должен кто-то
Делать что-то?
— То-то — нет.

В том-то вся и заковыка
И особый наш уклад,
Что от мала до велика
Все у нас руководят.

— Как же так — без производства,—
Возражает новичок, —
Чтобы только руководство?
— Нет, не только. И учет.

В том-то, брат, и суть вопроса,
Что темна для простаков:

Тут ни пашни, ни покоса,
Ни заводов, ни станков.
Нам бы это все мешало —
Уголь, сталь, зерно, стада...

— Ах, вот так! Тогда, пожалуй,
Ничего. А то беда.
Это вроде как машина
Скорой помощи идет:
Сама режет, сама давит,
Сама помощь подает.

— Ты, однако, шутки эти
Про себя, солдат, оставь.
— Шутки!
Сутки на том свете —
Даже к месту не пристал.

Никому бы не мешая,
Без бомбежки да в тепле
Мне поспать нужда большая
С недосыпу на земле.

— Вот чудак, ужели трудно
Уяснить простой закон:
Так ли, сяк ли — беспробудный
Ты уже вкушаешь сон.
Что тебе привычки тела?
Что там койка и постель?..

— Но зачем тогда отделы,
И начальства корпус целый,
И другая канитель?

Тот взглянул на друга хмуро,
Головой повел:
— Нельзя.
— Почему?
— Номенклатура. —
И примолкнули друзья.

Теркин сбился, огорошен
Точно словом нехорошим.

Все же дальше тянет нить,
Развивая тему:

— Ну, хотя бы сократить
Данную Систему?
Поубавить бы чуток,
Без беды при этом...

— Ничего нельзя, дружок.
Пробовали. Где там!

Кадры наши, не забудь,
Хоть они лишь тени,
Кадры заняты отнюдь
Не в одной Системе.

Тут к вопросу подойти —
Штука не простая:
Кто в Системе, кто в Сети —
Тоже Сеть густая.

Да помимо той Сети,
В целом необъятной,
Сколько в Органах — сочти!
— В Органах — понятно.

— Да по всяческим Столам
Список бесконечный,
В Комитете по делам
Перестройки Вечной...

Ну-ка, вдумайся, солдат.
Да прикинь, попробуй:
Чтоб убавить этот штат —
Нужен штат особый.

Невозможно упредить,
Где начет, где вычет.
Словом, чтобы сократить,
Нужно увеличить...

Теркин по́д локоть дружка
Тронул осторожно.
— А какая все тоска,
Просто невозможно.
Ни заботы, ни труда,
А тоска — нет мочи.

Ночь-то — да. А день куда?
— Тут ни дня, ни ночи.

Позабудь, само собой,
О зиме и лете.
— Так, похоже, мы с тобой
На другой планете?

— Нет, брат. Видишь ли, тот свет —
Данный мир забвенный,
Расположен вне планет
И самой Вселенной.

Дислокации иной —
Ясно?
— Как не ясно:
То ли дело под луной
Даже полк запáсный.

Там — хоть норма голоднá
И гоняют лихо,

Но покамест есть война —
Виды есть на выход.

— Пообвыкнешь, новичок,
Будет все терпимо:
Как-никак — оклад, паек
И табак без дыма...

Теркин слышит, не поймет —
Вроде, значит, кормят?
— А паек загробный тот
По какой же норме?

— По особой. Поясню
Постановку эту:
Обозначено в меню,
А в натуре нету.

— Ах, вот так.— Глядит солдат,
Не в догадку словно.
— Ну, еще точней, оклад
И паек условный.

На тебя и на меня
Числятся в расходе.
— Вроде, значит, трудодня?
— В некотором роде...

Все по форме: распишись —
И порядок полный.
— Ну, брат, это же — не жизнь
— Вон о чем ты вспомнил.
Жизнь! И слушать-то чудно:
Ведь в загробном мире
Жизни быть и не должно, —
Дважды два — четыре...

И на Теркина солдат
Как-то сбоку бросил взгляд.

Так-то близко, далеко ли
Новый видится квартал.
Кто же там во власть покоя
Перед вечностью предстал?

— Любопытствуешь?
— Еще бы.
Постигаю мир иной.
— Там отдел у нас Особый,
Так что — лучше стороной...

— Посмотреть бы тоже ценно.
— Да нельзя, поскольку он
Ни гражданским, ни военным
Здесь властям не подчинен.

— Что ж, Особый есть Особый.—
И, вздохнув, примолкли оба.

...Там — рядами, по годам
Шли в строю незримом
Колыма и Магадан,
Воркута с Нарымом.

За черту из-за черты,
С разницею малой,

Область вечной мерзлоты.
В вечность их списала.

Из-за проволоки той
Белой-поседелой —
С их особою статьей,
Приобщенной к делу...

Кто, за что, по воле чьей —
Разберись, наука.
Ни оркестров, ни речей,
Вот уж где — ни звука...

Память, как ты ни горька,
Будь зарубкой на века!

. . . .

— Кто же все-таки за гробом
Управляет тем Особым?

— Тот, кто в этот комбинат
Нас послал с тобою.

С чьим ты именем, солдат,
Пал на поле боя.

Сам не помнишь? Так печать
Донесет до внуков,
Что ты должен был кричать,
Встав с гранатой. Ну-ка?

— Без печати нам с тобой
Знато-перезнато,
Что в бою — на́ то он бой —
Лишних слов не надо.

Что вступают там в права
И бывают кстати
Больше прочих те слова,
Что не для печати...

Так идут друзья рядком.
Вволю места думам
И под этим потолком
Сводчатым, угрюмым.

Теркин вовсе помрачнел.
— Невдомек мне словно,
Что Особый ваш отдел
За самим Верховным.

— Все за ним, само собой,
Выше нету власти.
— Да, но сам-то он живой?
— И живой. Отчасти.

Для живых родной отец,
И закон, и знамя,
Он и с нами, как мертвец, —
С ними он и с нами.

Устроитель всех судеб,
Тою же порою
Он в Кремле при жизни склеп
Сам себе устроил.

Невдомек еще тебе,
Что живыми правит,

Но давно уж сам себе
Памятники ставит.

Теркин шапкой вытер лоб —
Сильно топят все же, —
Но от слов таких озноб
Пробежал по коже.

И смекает голова,
Как ей быть в ответе,
Что слыхала те слова,
Хоть и на том свете.

Да и мы о том, былом,
Речь замнем покамест,
Чтоб не быть иным числом,
Задним, — смельчаками...

Слишком памятны черты
Власти той безмерной...

— Теркин, знаешь ли, что ты
Награжден посмертно?

Ты — сюда с передовой,
Орден следом за тобой.

К нам приписанный навеки,
Ты не знал наверняка,
Как о мертвом человеке
Здесь забота велика.

Доложился — и порядок,
Получай, задержек нет.

— Лучше все-таки награда
Без доставки на тот свет.

Лучше быть бы ей в запасе
Для иных, желанных дней.
Я бы даже был согласен
И в Москву скатать за ней.

Так и быть уже. Да что там!
Сколько есть того пути
По снегам, пескам, болотам
С полной выкладкой пройти.

То ли дело мимоходом
Повстречаться с той Москвой,
Погулять с живым народом,
Да притом, что сам живой.

Ждать хоть год, хоть десять кряду
Я б живой не счел за труд.
И пускай мне там награду
Вдвое меньшую дадут...

Или вовсе скажут: рано,
Не видать еще заслуг.
Я оспаривать не стану.
Я — такой. Ты знаешь, друг.

Я до почестей не жадный,
Хоть и чести не лишен...
— Ну, расчувствовался. Ладно.
Без тебя вопрос решен.
Как ни что, а все же лестно
Нацепить ее на грудь.

— Но сперва бы мне до места
Притулиться где-нибудь.

— Ах, какое нетерпенье,
Да пойми — велик заезд:
Там, на фронте, наступленье,
Здесь нехватка спальных мест.

Ты, однако, не печалься,
Я порядок наведу,
У загробного начальства
Я тут все же на виду.

Словом, где-нибудь приткнемся.
Что смеешься?
— Ничего.
На том свете без знакомства
Тоже, значит, не того?

Отмахнулся друг бывалый:
Мол, с бедой ведем борьбу.

— А еще тебе, пожалуй,
Поглядеть бы не мешало
В нашу стереотрубу.

— Это что же ты за диво
На утеху мне сыскал?
— Только — для загробактива,
По особым пропускам...

Нет, совсем не край передний,
Не в дыму разрывов бой, —
Целиком тот свет соседний
За стеклом перед тобой.

В четкой форме отраженья
На вопрос прямой ответ —
До какого разложенья
Докатился их тот свет.

Вот уж точно, как в музее —
Что к чему и что почем.

И такие, брат, мамзели,
То есть — просто нагишом...

Теркин слышит хладнокровно,
Даже глазом не повел.
— Да. Но тоже ведь условный
Этот самый женский пол?..

И опять тревожным взглядом
Тот взглянул, шагая рядом.

— Что условный — это да,
Кто же спорит с этим.
Но позволь и мне тогда
Кое-что заметить.

Я подумал уж не раз,
Да смолчал, покаюсь:
Не условный ли меж нас
Ты мертвец покамест?

Посмотрю — ни дать ни взять,
Все тебе охота,
Как в живых, то пить, то спать,
То еще чего-то...

— Покурить! — И за кисет
Ухватился Теркин:
Не занес ли на тот свет
Чуточку махорки?

По карманным уголкам
Да из-за подкладки —
С хлебной крошкой пополам —
Выгреб все остатки.

Затянулся, как живой,
Той наземной, фронтовой,
Той надежной, неизменной,
Той одной в страде военной,
В час грозы и тишины —
Вроде старой злой жены,
Что иных тебе дороже —

Пусть красивей, пусть моложе
(Да от них и самый вред,
Как от легких сигарет).

Угощаются взаимно
Разным куревом дружки.
Оба — дымный и бездымный
Проверяют табаки.

Теркин — строгий дегустатор,
Полной мерой раз и два
Потянул, вернул остаток
И рукой махнул:
— Трава.
На-ко нашего затяжку. —
Друг закашлялся:
— Отвык.
Видно, вправду мертвым тяжко,
Что годится для живых...

— Нет, а я оттуда выбыл,
Но и здесь, в загробном сне, —

То, чего не съел, не выпил, —
Не дает покоя мне.

Не добрал, такая жалость,
Там стаканчик, там другой.
А закуски той осталось —
Ах ты, сколько — да какой!

За рекой Угрой в землянке —
Только сел, а тут «в ружье!» —
Не доел консервов банки,
Так и помню про нее.

У хозяйки белорусской
Не доел кулеш свиной.
Правда, прочие нагрузки,
Может быть, тому виной.

А вернее — сам повинен:
Нет — чтоб время не терять —
И того не споловинил,
Что до крошки мог прибрать.

Поддержать в пути здоровье,
Как тот путь бывал ни крут,
Зная доброе присловье:
На том свете не дадут...

Тут, встревожен не на шутку,
Друг прервал его:
— Минутку!..

Докатился некий гул,
Задрожали стены.
На том свете свет мигнул,
Залились сирены.

Прокатился долгий вой
Над глухим покоем...

Дали вскорости отбой.
— Что у вас такое?

— Так и быть — скажу тебе,
Но держи в секрете:

Это значит, что ЧП
Нынче на том свете.

По тревоге розыск свой
Подняла Проверка:
Есть опасность, что живой
Просочился сверху.

Чтобы дело упредить,
Срочное заданье:
Ну... изъять и поместить
В зале ожиданья.

Запереть двойным замком,
Подержать негласно,
Полноценным мертвецом
Чтобы вышел.
— Ясно.

— И по-дружески, любя,
Теркин, будь уверен —

Я дурного для тебя
Делать не намерен.

Но о том, что хочешь жить,
Дружба, знаешь, дружбой,
Я обязан доложить...
— Ясно...
— ...куда нужно.

Чуть ли что — меня под суд.
С места же сегодня...
— Так. Боишься, что пошлют
Дальше преисподней?

— Все ты шутки шутишь, брат,
По своей ухватке.
Фронта нет, да есть штрафбат,
Органы в порядке.

Словом, горе мне с тобой, —
Ну какого черта

Бродишь тут, как чумовой,
Беспокоишь мертвых.

Нет — чтоб вечности служить
С нами в тесной смычке, —
Все в живых охота жить.
— Дело, брат, в привычке.

— От привычек отвыкай,
Опыт расширяя.
У живых там, скажешь, — рай?
— Далеко до рая.

— То-то!
— То-то, да не то ж.
— До чего упрямый.
Может, все-таки дойдешь
В зале в этой самой?

— Не хочу.
— Хотеть — забудь.
Да и толку мало:

Все равно обратный путь
Повторять сначала.

— До поры зато в строю —
Хоть на марше, хоть в бою.

Срок придет, и мне травою
Где-то в мире прорасти.
Но живому — про живое,
Друг бывалый, ты прости.

Если он не даром прожит,
Тыловой ли, фронтовой —
День мой вечности дороже,
Бесконечности любой.

А еще, сознаться можно,
Потому спешу домой,
Чтоб задачей неотложной
Загорелся автор мой.

Пусть со слов моих подробно
Отразит он мир загробный,

Все по правде. А приврет —
Для наглядности подсобной —
Не беда. Наоборот.

С доброй выдумкою рядом
Правда в целости жива.
Пушки к бою едут задом.
Это верные слова...

Так что, брат, с меня довольно
До пребудущих времен.
— Посмотрю — умен ты больно?
— А скажи, что не умен?

Прибедняться нет причины:
Власть Советская сама
С малых лет уму учила —
Где тут будешь без ума!

На ходу снимала пробу,
Как усвоил курс наук,

Не любила ждать особо,
Если понял что не вдруг.

Заложила впредь задатки
Дело видеть без очков.
В умных нынче нет нехватки,
Поищи-ка дураков.

— Что искать — у нас избыток
Дураков — хоть пруд пруди,
Да каких еще набитых —
Что в Системе, что в Сети...

— А куда же их, примерно,
При излишестве таком?
— С дураками планомерно
Мы работу здесь ведем.

Изучаем досконально
Их природу, нравы, быт,
Этим делом специальный
Глазк у нас руководит.

Дуракам перетасовку
Учиняет на постах.
Посылает на низовку,
Выявляет на местах.

Тех туда, а тех туда-то —
Четкий график наперед.
— Ну, и как же результаты?
— Да ведь разный есть народ.

От иных запросишь чуру —
И в отставку не хотят.
Тех, как водится, в цензуру —
На повышенный оклад.

А уж с этой работенки
Дальше некуда спешить...
Все же — как решаешь, Теркин?
— Да как есть: решаю жить.

— Только лишняя тревога.
Видел, что за поезда

Неизменною дорогой
Направляются сюда?

Все сюда, а ты обратно,
Да смекни — на чем и как?
— Поезда сюда, понятно,
Но отсюда — порожняк?

— Ни билетов, ни посадки
Нет отсюда «на-гора».
— Тормозные есть площадки,
Есть подножки, буфера...

Или память отказала,
Позабыл в загробном сне,
Как в атаку нам, бывало,
Доводилось на броне?

Трудно, Теркин, на границе,
Много легче путь сюда...
— Без труда, как говорится,
Даже рыбку из пруда...

А к живым из края мертвых —
На площадке тормозной —
Это что́ — езда с комфортом, —
Жаль, не можешь ты со мной
Бросить эту всю халтуру
И домой — в родную часть.

— Да, но там в номенклатуру
Мог бы я и не попасть.
Занимая в преисподней
На сегодня видный пост,
Там-то что́ я на сегодня?
Стаж и опыт — псу под хвост?..
Вместе без году неделя,
Врозь на вечные века...

И внезапно из тоннеля —
Вдруг — состав порожняка.

Вмиг от грохота и гула
Онемело все вокруг...
Ах, как поручни рвануло
Из живых солдатских рук.

Как хватало мертвой хваткой
Изо всех загробных сил.
Но с подножки на площадку
Теркин все-таки вступил.

Долей малой перевесил
Груз, тянувший за шинель.
И куда как бодр и весел,
Пролетает сквозь тоннель.

Комендант иного мира
За охраной суетной
Не заметил пассажира
На площадке тормозной.

Да ему и толку мало:
Порожняк и порожняк.
И прощальный генералу
Теркин ручкой сделал знак.

Дескать, что кому приго́дней.
На себя ответ беру,

Рад весьма, что в преисподней
Не пришелся ко двору.

И как будто к нужной цели
Прямиком на белый свет,
Вверх и вверх пошли тоннели
В гору, в гору. Только — нет! —

Чуть смежил глаза устало,
И не стало в тот же миг
Ни подножки, ни состава —
На своих опять двоих.

Вот что значит без билета,
Невеселые дела.
А дорога с того света
Далека еще была.

Поискал во тьме руками,
Чтоб на ощупь по стене...
И пошло все то круга́ми,
От чего кричат во сне...

Там в страде невыразимой,
В темноте — хоть глаз коли —
Всей войны крутые зимы
И жары ее прошли.

Там руин горячий щебень
Бомбы рушили на грудь,
И огни толклися в небе,
Заслоняя Млечный Путь.

Там валы, завалы, кручи
Громоздились поперек.
И песок сухой, сыпучий
Из-под ног бессильных тек.

И мороз по голой коже
Драл ножовкой ледяной.
А глоток воды дороже
Жизни, может, был самой.

И до робкого сознанья,
Что забрезжило в пути, —

То не Теркин был — дыханье
Одинокое в груди.

Боль была без утоленья
С темной тяжкою тоской.
Неисходное томленье,
Что звало принять покой...

Но вела, вела солдата
Сила жизни — наш ходатай
И заступник всех верней, —
Жизни бренной, небогатой
Золотым запасом дней.

Как там смерть ни билась круто,
Переменчива борьба,
Час настал из долгих суток,
И настала та минута —
Дотащился до столба.

До границы. Вот — застава,
Поперек дороги жердь.

И дышать полегче стало,
И уже сама устала
И на шаг отстала Смерть.

Вот уж дома — только б ноги
Перекинуть через край.
Но не в силах без подмоги,
Пал солдат в конце дороги.
Точка, Теркин. Помирай.

А уж то-то неохота,
Никакого нет расчета,
Коль от смерти ты утек.
И всего-то нужен кто-то,
Кто бы капельку помог.

Так бывает и в обычной
Нашей сутолоке здесь:
Вот уж все, что мог ты лично,
Одолел, да вышел весь.

Даром все — легко ль смириться —
Годы мук, надежд, труда...

Был бы бог, так помолиться.
А как нету — что тогда?

Что тогда — в тот час недобрый,
Испытанья горький час?
Человек, не чин загробный,
Человек, тебе подобный, —
Вот кто нужен, кто бы спас...

Смерть придвинулась украдкой,
Не проси — скупа, стара...

И за той минутой шаткой
Нам из сказки в быль пора.

В этот мир живых, где ныне
Нашу службу мы несем...

— Редкий случай в медицине, —
Слышит Теркин, как сквозь сон.

Проморгался в теплой хате,
Простыня — не белый снег,

И стоит над ним в халате
Не покойник — человек.

И хотя вздохнуть свободно
В полный вздох еще не мог,
Чует — жив! Тропой обходной
Из жары, из тьмы безводной
Душу с телом доволок.
Словно той живой, природной,
Дорогой воды холодной
Выпил целый котелок...

Поздравляют с Новым годом.
— Ах, так вон что — Новый год!
И своим обычным ходом
За стеной война идет.

Отдохнуть в тепле не штука.
Дай-ка, думает, вздремну.

И дивится вслух наука:
— Ай да Теркин! Ну и ну!

Воротился с того света,
Прибыл вновь на белый свет.
Тут уж верная примета:
Жить ему еще сто лет!

— Точка?
— Вывернулся ловко
Из-под крышки гробовой
Теркин твой.
— Лиха концовка.
— Точка все же с запятой...

— Как же: Теркин на том свете!
— Озорство и произвол:
Из живых и сущих в нети
Автор вдруг его увел,
В мир загробный.

— А постольку
Сам собой встает вопрос:
Почему же не на стройку?

— Не в колхоз?
— И не в совхоз?
— Почему не в цех к мотору?
— Не к мартену?
— Не в забой?
— Даже, скажем, не в контору? —
Годен к должности любой.

— Молодца такой закваски —
В кабинеты — не расчет.
— Хоть в ансамбль грузинской пляски,
Так и там не подведет.

— Прозевал товарищ автор,
Не потрафил в первый ряд.
Двинуть парня в космонавты.
— В космонавты — староват.

— Впору был бы по отваге
И развитию ума.
— В космонавты?
— Нет, в завмаги!

— Ох, запутают.
— Тюрьма...

— Укрепить бы сеть Нарпита.
— Да не худо бы Жилстрой...
— А милиция забыта?
— А пожарник — не герой?..

Ах, читатель, в этом смысле
Одного ты не учел:
Всех тех мест не перечислить,
Где бы Теркин подошел.

Спор о том, чьим быть герою
При наличьи стольких свойств,
Возникал еще порою
Меж родами наших войск.

Теркин — тем ли, этим боком —
В жизни воинской своей
Близок был в раскате дней
И с войны могучим богом,

И гремел по тем дорогам
С маршем танковых частей,
И везде имел друзей,
Оставаясь в смысле строгом
За царицею полей.

Потому в солдатском толке,
По достоинствам своим,
Признан был героем Теркин
Как бы общевойсковым...

И совсем не по закону
Был бы он приписан мной —
Вдруг — по ведомству какому
Или отрасли одной.

На него уже управа
Недействительна моя:
Где по нраву —
Там по праву
Выбирает он края.

И не важно, в самом деле,
На каком теперь посту —
В министерстве иль артели
Занимает высоту.

Там, где жизнь, ему привольно:
Там, где радость, он и рад,
Там, где боль, ему и больно,
Там, где битва, он — солдат.
Хоть иные батареи
И калибры встали в строй,
И всему иной покрой...
Автор — пусть его стареет,
Пусть не старится герой!

И такой сюжет для сказки
Я избрал не потому,
Чтобы только без подсказки
Сладить с делом самому.

Я в свою ходил атаку,
Мысль одна владела мной:

Слажу с этой, так со всякой
Сказкой слажу я иной.

И в надежде, что задача
Мне пришлася по плечу,
Я — с чего я книжку начал,
Тем ее и заключу.

Я просил тебя покорно
Прочитать ее сперва.
И теперь твои бесспорны,
А мои — ничто — права.

Не держи теперь в секрете
Ту ли, эту к делу речь.
Мы с тобой на этом свете:
Хлеб-соль ешь, а правду режь.

Я тебе задачу задал,
Суд любой в расчет беря.
Пушки к бою едут задом —
Было сказано не зря.

1954—1963

ТВАРДОВСКИЙ
Александр Трифонович

ТЕРКИН НА ТОМ СВЕТЕ

М., «Советский писатель», 1964, 104 стр.

Редактор Д. Н. Голубков
Художник О. Т. Верейский
Худож. редактор В. И. Морозов
Техн. редактор Н. Д. Бессонова
Корректор Т. И. Воронцова

Сдано в набор 24/IX 1963 г.
Подписано к печати 16/XI 1963 г.
А 07082. Бумага 60×90 $^{1}/_{32}$.
Печ. л. $3^{1}/_{4}$. Уч.-изд. л. 2,65.
Тираж 150 000 экз. (2-й завод
50 001—150 000 экз.). Заказ № 11.
Цена 11 коп.

Издательство «Советский писатель»
Москва К-9, Б. Гнездниковский пер., 10

Учебно-производственная типография
издательства «Советский писатель»
Тула, проспект Ленина, 133.

11 коп.

1·50

А. ТВАРДОВСКИЙ

Тёркин на том свете